1.

Кони мёрзнут. Кони храпко
зубы скалят. Ветер, сгинь!
Стынь схватила их в охапку.
Берега реки — тиски.
Санный путь морозный стонет.
Взмах кнута, испуг теней.
Кони! Кони! Кто в погоню?
Кто догонит их теперь?
Коль согрет ты, коль укутан,
быстро с негой распростись.
Брызги снега — ввысь, к Усть-Куту,
тройка — вдаль, взрывная рысь.
Воздух плотен — не бесплоден,
он рождает долгий свист.
Кони! Кони! Бес им сроден,
быстроног и норовист.
Мир простыл. Дрожит, злосчастный,
под хрустальный звон вожжей.
Бьют копыта, бьют по насту,
как по лезвиям ножей.

2.

Ну и колется у околицы
снег буравчатый, озорной.
Над ракитою, как ракетою,
небо выстрелило луной.
И весёлыми новосёлами
обживаются в полумгле
первоснежники на валежнике,
на берёзах и на земле.
Невесомые, напоённые
свежим соком небес тугих,
их восторженно и встревоженно
принимают сердца и стихи.

3.

Ртутный столб скончался от мороза.
Задохнулась наледью река.
Солнце на людей взирало косо,
как взирало, может быть, века.
Что века нам, если мы робели
и от солнца прятались в очки.
На заиндевелой параллели
ветры зажимали нас в тиски.
Но спасенье мы искали в книгах.
С днём сегодняшним искали связь.
Самиздат проглатывали лихо,
копировку делали, таясь.
Заходил у нас порою ум за разум.
Что там книги, если глубь и суть
человека мы читали без подсказок,
стоило в глаза его взглянуть.

4.

Зорька лижет дымный стланик.
Юркий глиссер воду пенит.
Мне сродни — такой же странник,
чужд он злодремотной лени.
Мчит по Лене. Чтит паренье.
«Жить бореньем!» — во весь голос.
Не в бегах... Он вечный пленник
скорости плюс снова скорость.

И летит, как бы ужален,
из мгновения в мгновенье,
кровяной сибирский шарик
по речной сибирской вене.

5.

Это был на диво стылый день.
В розовом кругу ютилось солнце.
В снег вгрызалась человечья тень —
будто бы в снегу она спасётся.
Кедр стонал. Кряхтел седой олень.
Дед Мороз простудно шмыгал носом.
Это был на диво стылый день.
День, когда готов довериться прогнозам.
Но прогнозы врут, как врёт наш календарь.
Всё — обман, и жизнь — сплошная лажа.
Трубка. Полша. А весна? Как жаль,
о себе она не помнит даже.

6.

Снег слежался, будто войлок.
Лес таинственен и светел.
Меж деревьев бродит волком
и стихи читает ветер.
В нём полно тоски натужной,
болью страх его засеян.
Он хотел быть ветром южным,
а судьба снесла на север.
Путь теперь нелеп и долог.
А стихи? Стихи — на ветер.
Снег слежался, будто войлок.
Лес таинственен и светел.

7.

Живём легко и очень просто,
не поминаем всуе — «по сто».
«Сухой закон» — закон для всех.
Наш бригадир — «судья народный»,
с могучей дланью, как лемех,
готов принять на душу грех —
«вспахать под зябь» кого угодно,

любого, всякого, коль он
нарушит праведный закон.

Привыкли быть всё время вместе.
В сердца друзей не вхожи с лестью.
И величает друга друг,
как принято в Сибири, «паря».
И редко в двери к нам — «тук-тук» —
стучится властелин-испуг.
А попросту — пугаться стары.
Живём неброско. На реке.
От всех соблазнов вдалеке.

Речной песок течёт меж пальцев,
как жизнь геологов-скитальцев,
как «нефартовая» река.
Мы ждём «крупинку-вертихвостку».
Но худо дело: эта блёстка
к своим добытчикам строга,
не кажет глаза из песка,
хотя песок, наш друг стервозный,
«по паспорту» — золотоносный.

«Пустыми» канут в вечность сутки.
И вновь отбой, и вновь побудка.
Измят с прогнозами листок.
В науке мы не видим прока.
Во что же верить? Видит Бог:
настало время — самый срок,
чтоб «фарт» включился, ради Бога,
и выволок из тупика,
куда нас завела река.

8.

Ангелу, возможно, не приснится
помыслов такая чистота,
как у нас, чертей, забывших бриться,
но начавших с чистого листа
жизнь при виде белокурой феи.
— Кто вы?
— Капитан баркаса.
— Вот те на!

Черти обгрызают ногти, млея
от неё, и думают: «Весна!»
Что им делать? Бриться ежечасно?
Пригласить — под водку — на обед?
Как влюбить в себя, чтоб коротко и ясно?
Впрочем, что-то там сказал поэт:
«Любить —
это значит:
в глубь двора
Вбежать
и до ночи грачьей,
Блестя топором,
рубить дрова,
Силой
своей
играючи».
Однако — да, топор, понятно, средство,
хотя, конечно, кто как повернёт.
Но как с дровами ни усердствуй,
любовь не завоюешь даже через год.
— Как вас зовут?
— Для вас я просто Вера.
— Подруги есть?
— Надежда и Любовь.
— Так будем жить!
— Уверенно и смело!
— Жизнь впереди!
— Судьба, не прекословь!

Ефим Гаммер. Сибирь, Киренск, на берегу реки Лены. 1974 год